

Цинь Чжан сжал губы, не произнося ни слова, в голове крутились мысли о том, в какой даосский храм впоследствии отправиться, чтобы добыть оберег, который сможет усмирить эту обретшую дух ласку и заставить её покорно оставаться с ним на всю жизнь.

Чу Юэси опустил взгляд на него, в душе ощущая странную горечь, которую не мог выразить словами. В конце концов, он вздохнул и нежно поцеловал белую марлю, покрывающую глаза Цинь Чжана.

У него было предчувствие, что последнее испытание перед Вознесением он, возможно, не сможет пройти...

В последующие дни Чу Юэси ясно ощущал, что Цинь Чжан на него злится. Вопреки своему прежнему послушному и спокойному характеру, он внезапно стал капризным. Хотя он не делал ничего особенного, то и дело отказывался от еды или, надев тонкую одежду, выбегал к окну, чтобы подышать холодным ветром.

Если раньше Чу Юэси мог держать его под присмотром, то теперь он не доверял никому другому готовить лекарства и каждый раз лично следил за этим. В результате, возвращаясь, он часто с досадой замечал, что его человек снова шалит.

Видя, как лицо Цинь Чжана снова становится бледным из-за его собственных выходов, Чу Юэси испытывал и тревогу, и злость, но не мог ни ударить, ни ругать его. Когда он пытался терпеливо поговорить с ним, тот молча слушал, но, как только Чу Юэси отворачивался, снова начинал безобразничать.

Если бы он не следил каждый раз, чтобы Цинь Чжан выпил лекарство, Чу Юэси даже подозревал, что тот мог бы тайно вылить его.

Наконец, однажды, когда Цинь Чжан снова выпроводил Чу Юэси во время купания, тот, нахмурившись, долго ждал снаружи, пока не почувствовал что-то неладное и не ворвался внутрь. Ощупав воду в бочке, он обнаружил, что она уже ледяная.

Стиснув зубы, он с гневом посмотрел на бледного Цинь Чжана и, не в силах больше сдерживать ярость, вытащил его из бочки, завернул в большое полотенце и швырнул на кровать.

— Что ты вообще задумал?

Цинь Чжан сжал губы, его лицо было бледным, с волос стекала вода, он сидел, опустив голову, молча и неподвижно, не произнося ни слова. Кулаки Чу Юэси сжимались с таким треском, что лицо его исказилось от гнева.

Слуги, вошедшие, чтобы убрать бочку, увидели его свирепое выражение и в страхе бросились вон, унося свои вещи.

Вэй Мэн с любопытством заглянул в комнату, но ничего не увидел, только заметил, как Чу Юэси, нахмурившись, подошёл и с грохотом захлопнул дверь, выглядевший пугающе злым.

Его сердце ёкнуло, он никогда раньше не видел, чтобы Чу Юэси так гневался, и вдруг почувствовал злорадство по поводу чьего-то положения.

Чу Юэси глубоко вдохнул и широкими шагами вернулся к кровати. Губы Цинь Чжана слегка дрогнули, он подумал, что сейчас на него обрушится гнев, но вместо этого Чу Юэси медленно опустился на колени и вдруг крепко обнял его.

Цинь Чжан вздрогнул всем телом, в его глазах промелькнуло удивление.

— Не злись, — глухо произнёс Чу Юэси, ощущая, как холодное тело прижалось к нему.

Сердцем, полным боли, он накрыл его одеялом и согрел руки Цинь Чжана в своих ладонях.

Всё недовольство и обида Цинь Чжана растворились в этих словах. Он долго молчал, а затем усмехнулся.

— Я не на тебя злюсь, я злюсь на себя за то, что не могу удержать тебя.

Сердце Чу Юэси сжалось от боли, он не мог вымолвить ни слова. Через некоторое время он вздохнул.

— Хуайчжан, я... не так хорош, как ты думаешь. У тебя должна быть счастливая жизнь, любимая жена, которая будет с тобой до конца дней, дети и внуки. Я не могу дать тебе этого.

Цинь Чжан медленно отстранился от него и пристально посмотрел на Чу Юэси.

— Я уже нашёл того, кого люблю, и, к счастью, он стал моим супругом. Теперь я не прошу ничего больше, я просто хочу провести с ним всю жизнь и быть похороненным рядом с ним.

Сердце Чу Юэси ёкнуло, он с недоверием посмотрел на него и, встретившись взглядом с Цинь Чжаном, увидел своё отражение в этих пустых янтарных глазах.

— Юэси, я люблю тебя. Остайся со мной навсегда.

Чу Юэси смотрел на Цинь Чжана, ошеломлённый, рот его приоткрылся, он был готов согласиться, но всё ещё сдерживался. Только сейчас он осознал, что в этот момент его мысли были не о Вознесении, не о вечном одиночестве, а о страхе перед своей сущностью демона.

Люди боятся демонов, особенно тех, кто причиняет вред. Чу Юэси знал, что его руки не чисты, он причинял вред людям и, возможно, будет продолжать это делать, потому что не мог простить тех, кто причинил боль Цинь Чжану. Это была его природа.

Он прикусил губу, в глазах его появилась влага, он боялся рассказать Цинь Чжану о своей истинной сущности, опасаясь увидеть в его глазах хоть каплю отвращения или страха.

— Я... я... — Чу Юэси сдавленно произнёс, и вдруг слёзы потекли по его щекам.

Цинь Чжан, испуганный и растроганный, не понимал, почему он вдруг заплакал, и подумал, что, возможно, слишком сильно на него давил, и в душе пожалел об этом.

— Не плачь, не плачь... Я больше не буду говорить об этом.

Цинь Чжан крепко обнял его, слушая тихие всхлипы, и горечь в его сердце постепенно разлилась, превратившись в глубокий вздох, скрытый в глубине души.

Слёзы Чу Юэси лились, как из разорванной нити, падая на тело Цинь Чжана. Тот был завернут в полотенце, и влага растекалась по его плечам, вызывая дрожь в сердце.

— Ладно, не плачь... Я больше не буду капризничать, буду принимать лекарства и не стану тебя больше давить, только не плачь...

Цинь Чжан не знал, что говорит в своей растерянности. В его прошлой жизни никогда не было такого беспомощного момента, даже когда он оказался в ужасном положении, он никогда не паниковал. Но сейчас, слушая, как плачет Чу Юэси, он не знал, что делать.

Услышав его слова, Чу Юэси почувствовал себя ещё хуже, слёзы лились ещё обильнее.

Он был зол на себя за то, что не был настоящим князем Си и не мог открыто оставаться с Цинь Чжаном навсегда, а также жалел его, ведь тот, хоть и женился, но его супругом оказался мужчина, и, к счастью, он полюбил этого мужчину, который, однако, был демоном-лаской.

Цинь Чжан, видя, что слёзы льются всё сильнее, мысленно дал себе две пощёчины и нежно погладил голову Чу Юэси.

— Юэси, не плачь, я всё сделаю, как ты скажешь...

Чу Юэси поднял голову и, увидев его печальное и расстроенное лицо, сердце его сжалось. Он быстро вытер слёзы, понимая, что плакать бесполезно, и если он действительно хочет остаться с Цинь Чжаном, нужно что-то придумать.

— Больше не капризничай, сначала вылечись, — Чу Юэси вздохнул, нарочито строго сказал, хотя на его лице ещё оставались следы слёз.

— Хорошо, — тихо ответил Цинь Чжан, не проявляя больше сопротивления.

Чу Юэси успокоился и начал одевать его. Когда дело дошло до брюк, Цинь Чжан схватил полотенце и не отпускал его. Чу Юэси нахмурился, молча смотря на него, его глаза постепенно покраснели.

Цинь Чжан сжал губы и, наконец, сдался, отпустив полотенце. Чу Юэси продолжил одевать его, не позволяя ему, как обычно, долго возиться. Однако, когда он увидел длинные и стройные ноги, его глаза невольно загорелись.

Сердце Чу Юэси забило чаще, он почувствовал сильное волнение и наконец понял, почему Цинь Чжан всегда настаивал на том, чтобы одеваться сам.

Но теперь, когда он уже начал, не стоило сдаваться, и он продолжил одевать его. Однако, когда его взгляд скользнул вверх, Чу Юэси замер, и всё его лицо покраснело.

Цинь Чжан, чувствуя себя неловко под таким взглядом, молча сжал простыню. Через мгновение он попытался сам одеть оставшуюся одежду, но Чу Юэси вдруг опомнился и быстро закончил одевать его, как будто ничего не произошло, хотя его уши покраснели до предела.

<http://bllate.org/book/15290/1350948>